

№ 48
Л. Сивухин 1916
91
1171
Край 3-й Пром. Сивухин.
КРАЙ КРЕЩЕНАГО СВѢТА.

II.

ДРЕМУЧИЕ ЛѢСА

РАЗСКАЗЪ О НАРОДАХЪ,
НАСЕЛЯЮЩИХЪ РУССКІЕ ЛѢСА.

Какова природа — таковы и люди.

С. МАКСИМОВА.

1966 г.

Читальный зал
Северной областной
библиотеки
им. Н.А. Добролюбова

1948

1995

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИШЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

1966.

1955

X.

ЧУВАШИ.

Чувашииъ — Василій Иванычъ. —
Васька дома? — А кто тамъ? — Васи-
лій Ивановичъ.

Чувашка — черноногая барыня.

Чувашская лопатка. Отвѣтъ Чувашина:
Русскій сребокъ.

Чуваши, хоть сто человекъ, — всѣ вмѣ-
стѣ говорятъ.

Народныя примѣты.

Распознають чувашей по ихъ тяжелой, неуклюжей походкѣ, которая у чувашекъ смахиваетъ на утиную, въ перевалку съ боку на бокъ. Всѣ они средняго роста, съ смуглыми лицами и съ немного выдавши-
мися скулами. Черные глаза глядятъ изъ узко-про-
рѣзанныхъ рѣсницъ и изъ-подъ узенькаго лба. Волоса
у нихъ черные, либо черноватые. Но главное отличіе
чувашей отъ всѣхъ сосѣдей черемисъ, татаръ,

мордвы и русскихъ состоитъ въ томъ, что чуваши смышленные, усердные и отличные земледѣльцы. Сами русскіе крестьяне не только сознаются въ этомъ, но даже вѣрятъ, что чуваши могутъ предсказать съ осени, каковъ будетъ урожай лѣтомъ. Такъ или иначе, но чуваши земледѣлію учились не у русскихъ, и не ими усажены на мѣсто. Когда зазнали ихъ русскіе, вскорѣ послѣ нашествія на Русь монголовъ (которые вытѣснили чувашей съ рѣки Волги и степей самарскихъ), чуваши жили осѣдло и занимались земледѣліемъ; особенно любили разводить хмѣль. И теперь чувашское поле всегда можно отличить отъ русскаго: нѣтъ на загонахъ каменьевъ (все они свалены въ оврагъ), нѣтъ въ оврагахъ навоза (весь онъ лежитъ на поляхъ). Если продѣланы на межахъ канавки для стока воды, значить заботливый хозяинъ обряжалъ поле, значить—поле чувашское. Когда русскіе крестьяне ежегодно дѣлятъ между собою поля и въ надеждѣ на новое, не брегутъ о доставшемся, чувашъ отъ ревизіи до ревизіи сидитъ на одномъ мѣстѣ, не только свозитъ на свою полосу наземъ изъ всѣхъ хлѣвовъ, но еще покупаетъ сверхъ того таковой же у русскихъ крестьянъ. Въ концѣ-концовъ выходитъ то, что у чувашъ хлѣба родится больше и хлѣбъ этотъ лучше, чѣмъ у русскихъ — такъ это и извѣстно во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ чуваши и гдѣ все еще они продолжаютъ обставляться хмѣльниками. А живутъ они разбросанно и въ большомъ многолюдствѣ всего больше (до 300-тъ тысячъ) по казанской губерніи, потомъ (до 100-та тысячъ) по симбирской; свыше 57 тысячъ живутъ въ оренбургской и почти столько же

въ саратовской. До нашествія татаръ они жили въ кучѣ, всё вмѣстѣ, по правому берегу Волги, вдоль по ея среднему теченію. На тучныхъ земляхъ подлѣсья они выучились и такъ хорошо готовить пашни, и такъ усердно и внимательно за ними ухаживать. Въ то время, когда у татаръ и у русскихъ года по три — по четыре лежить хлѣбъ на гумнахъ — въ копнахъ, немолоченнымъ, ни одинъ чувашинъ безъ того не сниметъ хлѣба, чтобы тотчасъ же не приготовить его. Къ половинѣ сентября хлѣбъ у нихъ свезенъ на гумна; послѣ Покрова сѣшать его сушить и молотить, пользуясь и безоблачнымъ днемъ, и свѣтлою ночью. Къ Веденьеву дню (въ исходѣ ноября) хлѣбъ обмолоченъ и убранъ въ амбары даже у самыхъ лѣнивыхъ и маломощныхъ. Стоять овины пустые, обставленные для безопасности отъ пожаровъ съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ, широкими лубьями и торчитъ на верху только одинъ снопъ изъ всѣхъ немолоченный, не въ насмѣшку сосѣдямъ русскимъ, а ради стараго обычая — жертвы небеснымъ птицамъ. Окончивъ тяжелыя работы, когда по двое, по-трое сутокъ кряду случается не смыкать глазъ, — чуваша начинаютъ *чупленья* свои или моленья о хлѣбѣ. По очередно ходятъ по избамъ одинъ къ другому пить изъ новаго солода и молодого хмѣля домашнее пиво и покупное вино; изъ новой муки пекутъ хлѣбы, изъ новой круны варятъ кашу; каждый беретъ по кусочку хлѣба: половину съѣдаетъ, другую бросаетъ на печь; то же и съ пивомъ, и съ кашей. За тѣмъ начинается пиръ, на которомъ, по русской примѣтѣ — хоть сто человекъ: всё гово-

рять вмѣстѣ, и который — по русскому обычаю — совершается почти также: пьютъ и ѣдятъ, и опять пьютъ, и опять ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока хмѣль и дрема не свалятъ подъ столъ. На праздникахъ чувашни отличаются отъ русскихъ только тѣмъ, что, по окончаніи обѣдни, сами обходятъ духовныхъ, не дожидаясь ихъ со крестомъ и водой, какъ это дѣлаютъ русскіе. Пляшутъ чувашни и подъ пузырь-волянку, не нудаясь ни въ балалайкѣ, ни въ гармоникѣ. Вообще чувашни охотно стараются походить на русскихъ и только женскій полъ продолжаетъ чуждаться и весьма не охотно и мало входитъ въ сношенія. Чувашни забыли про свои языческія керемети (священныя рожи) и вырубилъ ихъ; про старыхъ боговъ даже и говорить стыдятся. Обращенные въ христіанство (около ста лѣтъ тому), они все еще не вникли вполне въ новую вѣру и все еще не понимаютъ того, въ чемъ состоитъ Христово ученіе. Сначала не ладили со священниками — жаловались на нихъ; теперь перестали. Цѣлыми толпами крестилъ чувашней іеромонахъ Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ и любилъ давать свое мірское имя — Василій. Восприемникомъ былъ дьяконъ Иванъ Афанасьевъ, получившій потомъ мѣсто священника въ одномъ изъ чувашскихъ селеній. Вотъ отчего и стали все чувашни — Васильи Ивановичи.

По прежнему, чувашни строятъ деревни въ такомъ безпорядкѣ, что кромѣ хозяевъ, никто не разберетъ, что кому принадлежитъ: гдѣ кончается одинъ дворъ и начинается другой. У Черемисъ деревни разбросаны на нѣсколько верстъ и отдѣлены другъ отъ

друга большими промежутками: у чувашей избы сбиты въ кучу; нѣтъ ни улицъ, ни переулковъ, только привычный ямщикъ не блуждаетъ. Черемисъ, какъ лѣсовикъ и недавній кочевникъ, все еще любитъ жить особнякомъ, чувашъ держится артели — безъ товарищей ни пива не пьеть, ни въ извозъ не ходитъ, и только недавно бросилъ добрый обычай *добывать доса*, обычай, который однороденъ со стариннымъ русскимъ обычаемъ мѣняться крестами, чтобы въ крестовомъ братѣ приобрести себѣ дорогаго друга.

По нѣтъшнему, чуваша распознали, что досъ изъ русскихъ братается не ради священныхъ правъ дружбы, но изъ видовъ корысти; подаркомъ илисовой шапки, либо двухрублеваго армяка надѣется приобрести одинъ-два улья пчель и притомъ лучшихъ, или корову, или лошадь въ отвѣтъ на подарокъ. Чуваша понимаютъ теперь, что обружной начальникъ не самое высшее существо подъ луною, что есть и старше и больше его, у которыхъ можно просить суда и защиты. Чуваша начинаютъ отдавать ребятишекъ въ школы: и число грамотныхъ между ними стало довольно значительно. Ребята, принимаясь за азбуку неохотно, скорѣе русскихъ привыкаютъ къ ней: въ годъ выучиваются бѣгло читать и свободно говорить по-русски. И теперь, чѣмъ чувашъ богаче, тѣмъ онъ ближе къ русскимъ и старается во всемъ походить на нихъ.

По старому скупы чуваша для себя и по привычкѣ дѣдовъ до сихъ поръ любятъ прятать деньги; въ нищѣ не привередливы: ѣдятъ либо житники, либо ржаной хлѣбъ и любимую яшгу — кашиду изъ

воды съ крупой, либо съ борщовникомъ или снитью. По пословицѣ: былъ бы борщовникъ, да снить,— чувашаи и безъ хлѣба сыты. Путу или кашу, иггучь или сыръ изъ творогу, денешки и пиво подаютъ только гостю.

По старому чувашинь, задумавшій жениться и получившій согласіе родителей, невѣсту не беретъ спроста, а крадетъ. Свадьбы правятъ особымъ обрядомъ, который чуденъ, но не чуднѣе свадебныхъ обрядовъ у русскихъ. Похороны также окружаются многими суевѣрными обычаями: по понятію чувашей души покойниковъ переселяются, послѣ смерти, въ собакъ. Принося на могилы много съѣстнаго, радуются, когда собаки съѣдаютъ все это. Оставленную на могилахъ одежду обираютъ русскіе, которые приходятъ на чувашскія поминки толпами. У тамонныхъ русскихъ нѣтъ хуже упрека, какъ сказать: «на тебѣ де и рубашка съ чувашскихъ мазароѣ (т. е. могилъ)!»
